

КРЫЛЬЯ ТВОРЧЕСТВА

ЭТО БЫЛА встреча в товарищеской, дружеской среде. Это был откровенный разговор руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. Словам можно придавать разное значение в зависимости от того, как они произнесены. Была доброжелательность даже в тех случаях, когда слова были резкими, была горечь и боль за промахи, за неудачи наши, было чувство гордости и радости за наши успехи.

Вполне естественно, что нам было очень приятно услышать на этой встрече от Н. С. Хрущева, что: «Наша партия считает советское киноискусство одним из самых важных художественных средств коммунистического воспитания народа. По силе воздействия на чувства и умы людей и по охвату широчайших масс народа ничто не может сравниться с киноискусством. Кино доступно людям всех слоев общества и, можно сказать, всех возрастов, от школьников до стариков».

Но горестно было слушать абсолютно справедливую критику многих наших «...весьма посредственных кинокартин, убогих по содержанию и немощных по форме, которые раздражают или повергают зрителей в состояние сонливости, скуки и тоски». Да, справедливо, весьма справедливо сказано! Живут ведь среди нас шумные ремесленники и склейщики, быстро все соображающие, быстро любую тему выхватывающие, прикрываясь величием наших идей. Художник должен помнить о величии наших идей, должен быть обуреваем ими и говорить о них страстно, кровью сердца своего, а не стоять в позе стороннего наблюдателя. Жизнь требует другого!

Позволю себе привести пример. Вместе с товарищами работниками обкома партии поехал я как-то на Волжскую ГЭС имени В. И. Ленина. Меня буквально потрясло это произведение — дело рук человеческих, дело разума человека. Огромная дамба и на ней человек. Он, как пылинки, на этой громаде. Огромный зал, белый кафельный зал, в котором стоят мощные машины, вырабатывающие энергию. Тихо в зале, работают машины неслышно. На этой огромной фабрике энергии всего четыре-пять дежурных. Молодой инженер, человек лет 26—27, бросив на нас мимолетный взгляд, подошел к одной из машин, приложил трубку и совсем так, как врач слушает биеение человеческого сердца, стал вслушиваться в биеение сердца машины.

Мы вышли из зала. Огромные мачты, мощные изоляторы, блестящие искры около изоляторов, уходящие вдаль провода, которые несут энергию и в Москву, простые деловые люди, работники станции — все это производило незабываемое впечатление. Над величавым сооружением алели слова: «Да здравствует коммунизм!».

Об этих людях, о их грандиозных делах нужно в искусстве рассказывать ярко, правдиво, талантливо!

КОГДА после первого космического полета мы ждали в Москве Юрия Гагарина, я, как и все, очень волновался. Я знал, что мы увидим хребца. Но каков он? Я режиссер, и для моего глаза, для моего уха каждое слово, музыка речи, структура фраз, пластическое поведение помогают видеть, узнать сущность человека. Много признаков образа, может быть, не столь заметных людям других профессий, для кинематографистов обязательны. Совокупность этих малых деталей помогает познать личность.

Кто же выйдет из самолета, который привез его, первого в мире космонавта? Как движется, как держит себя, что говорит, как говорит?.. В нем мы должны увидеть нашу эпоху, нашу страну, результаты труда нашего, ибо каждый из нас вложил труд свой в общее дело (да простят мне мою нескромность — и себя я причисляю к тем, кто принимал участие в воспитании нашего молодого человека)... Кто же он?

И вот он — молодой человек моей страны. Он вышел из самолета сосредоточенный и взволнованный. Вижу, вижу, что старается скрыть волнение. Правильно! А как пойдет? Печатать шаг будет, наверное? Нет, собран, в кулак собрал нервы, волю. Молодец! Никакой рисовки, никакой позы! Естественно, просто, красиво!

И потом, потом следил я за судьбой его. Куда понесет его слава? Я вижу его издали, вижу в фильмах, слышу выступления по телевидению. И каждый раз немного насторожен: не появились ли черты «исключительности», важности, чувство превосходства, отработанные жесты? Все в порядке! Все — просто, дорогой мой молодой человек!

Пошел в космос другой молодой человек, посланец моей страны — Титов. Может быть, ошибся я в первом? Может быть, у меня не хватило хладнокровия, спокойствия при изучении первого, может быть, меня захлестнул восторг? Проверим на втором.

Разные они — эти молодые наши люди. Но в одном, самом важном, я узнаю черты их одинаковости. Простые, ясные, волевые, одухотворенные величием наших идей. Вот такие они и есть — современные молодые люди нашей страны.

Миллионы молодых людей нашей страны, разве не несут они в себе те черты, о которых говорил я выше? Да, он такой, наш молодой человек!

Я был очень взволнован письмом старой американской учительницы из Чикаго миссис Констанция Шэннон, которая писала о наших космонавтах: «Я внимательно читала все, что писали об этих советских молодых людях. Они прекрасны воспитаны. Если бы все молодое поколение земли получило такое же воспитание, в мире стало бы теплее, в мире стало бы светлее от душевной чистоты, благородства и скромной мужской храбрости».

Я очень благодарен вам, миссис Констанция Шэннон. Я сделал в свое время фильм «Сельская учительница», и я знаю, что такое учитель. Уверю вас, что вы не ошиблись!

Но каждому педагогу ведь известно, что бывают и плохие ученики. В этой связи я хочу вспомнить об отношении Горького к молодым. Известно его отношение, его душевные и очень откровенные, иногда резкие суждения. Да, он любил молодежь... Я помню, как плакал Горький, увидев могучую поступь молодежи нашей страны в день физкультурного парада. Он плакал от счастья и не стыдился этих слез. Исполнилась давнишняя его мечта, он увидел свободным свой народ, он увидел мощную, красивую молодость — будущее наше.

О ГОРЬКИЙ умел любить человека! Именно потому, что он умел любить, он умел ненавидеть все, что калечило молодого человека, все, что мешало нашему движению вперед. Ненависть, отвращение к неправде, несправедливости, косности, к позе были свойственны ему. Разве это не важнейшие чувства, которыми должен быть обуреваем художник? Без этих чувств нет художника.

Ленин критиковал и указывал ошибки Горького, и писатель вспоминает об этом с любовью и благодарностью. И когда партия указывает нам на ошибки, мы с такой же любовью и благодарностью относимся к нашей партии.

Если молодой человек плутает, становится высокомерным, нескромным, если у него появляется чувство своей исключительности, неповторимости, если он свое «я» ставит превыше всего, не является ли нашей обязанностью, обязанностью его старших современников, без сюсюканья, без заигрывания, без покровительства, без мещанства указать на ошибки. Пусть почувствует такой молодой человек боль нашу, пусть не страшит его гнев наш. Это боль, это гнев родных, которые хотят видеть больных здоровыми.

Пусть не думают те, за рубежом, кто из нашего спора делает сенсацию и го-

тов отпраздновать тризну, что мы отдадим заблуждающихся им на потеху. Нет, они дети наши, кровь наша, современники наши. Покажите мне родителей, которые не гневались бы на детей своих, если дети начинают заблуждаться, идти путями извилистыми, уводящими их от той дороги борьбы, которыми шли отцы их. Но если отцы проморгали, то пусть имеют мужество взять часть вины и на себя.

Так и только так следует разговаривать со своими современниками. Молодые хотят обрести крылья. Это прекрасное желание и закономерное для художника. Откуда взять эти крылья, из какого материала они, где их корни?

Здесь я снова сошлюсь на величайшего воинствующего гуманиста М. Горького: «Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и genialности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры... Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность — инертна, консервативна и враждебна развитию жизни»... Мы вооружены самыми великими идеями человечества, и мы должны быть достойны их.

На Западе сейчас дебатировался пресловутый вопрос о свободе творчества. Эта «теория» стала модной и у некоторой части нашей молодежи. Безгранична ли свобода творчества? Если на благо человека — да! Если во вред — нет! «Я» хочет сделать фильм «Природа человека — ненавистничество». Запретите ему это делать! «Я» хочет сделать фильм, пропагандирующий войну. Запретите ему это делать!

Но, позвольте, а где же свобода творчества? — могут спросить. Свободы от обязанностей не существует.

В нашем законодательстве есть статья, на основании которой пропаганда войны и человеконенавистничества карается в уголовном порядке. Разве это не высшая степень активного гуманизма?

Не верьте тем, что после знаменательных наших разговоров и встреч будет пытаться надеть на некоторых терновый венец, сплетенный в зарубежных садоводах. Не верьте восторгам и сочувствию окололитературных, околоискусства бродячих шестунов и модничавших бездельников. Не друзья они наши!

Мы верим всей душой нашей партии, нашему народу, и мы знаем, что они к нам относятся с любовью и уважением. И мы должны быть достойными этого уважения и этой любви.

Главная задача подлинного художника состоит в том, чтобы обратить внимание людей на то прекрасное, что есть в нашей жизни, но иногда остается незамеченным, а подчас недооценивается или забывается. Поэтому необходимо напоминать людям о том красивом, что есть в нашей жизни и в них самих.

Каждый эпизод, каждая сцена и каждый кадр — это не только поиски самого сильного и точного выражения мысли, это поиски новых образных средств, новых путей к сердцу зрителя. С полным накалом чувств, до иступления. Гнев, ненависть к тому, что стоит на дороге к самому прекрасному — коммунизму. Любовь, неистребимая любовь к этому прекрасному. Выкорчевать равнодушные. Быть, по образному выражению Ленина, «одержимым» — одержимым в своем творчестве. Нам нужны не красивые слова, а красивые дела. И самая великая награда для художника — благодарность народа.

Марк ДОНСКОЙ.

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

3 стр.
19 марта
1963 г.